

В.П. Волгин

Фердовси

934-1934

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В11

В11 **В.П. Волгин**
Фердовси: 934-1934 / В.П. Волгин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 224 с.

ISBN 978-5-458-24799-3

В конце мая этого года Институтом Востоковедения Академии Наук СССР и Государственным Эрмитажем была проведена сессия, посвященная тысячелетию со дня рождения Фердовси. К открытию сессии в фойе Эрмитажного театра, в котором протекали заседания сессии, Государственным Эрмитажем была развернута выставка, посвященная предмету занятий сессии и отражающая различные стороны творчества Фердовси, рукописную традицию и искусство сасанидской эпохи, воспетой в последнем разделе Шах-намэ. На сессии заслушан был ряд докладов, представленных работающими в Институте Востоковедения и Эрмитаже специалистами. В виду обширности материала, доложенного на сессии, объединение всех заслушанных докладов в одном томе было признано нецелесообразным и решено было выпустить сборник докладов в двух томах.

ISBN 978-5-458-24799-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИОСИФ ОРБЕЛИ

ШАХ-НАМЭ

Вступительное слово на торжественном заседании Института Востоковедения Академии Наук СССР и Эрмитажа 29 мая 1934 г.

Тысяча девятьсот тридцать четвертый год — год великого культурного праздника персидского народа. В Персии готовятся торжества в ознаменование тысячелетия рождения величайшего из эпических поэтов Ирана, Абу-ль-Касима Фердовси.

Юбилей Фердовси — юбилей его бессмертного творения „Шах-намэ“, затмившего величием и славой другое его произведение, поэму „Юсуф и Зулейха“.

„Шах-намэ“, „Книга царей“, — эпопея, по размерам в восемь раз превосходящая Илиаду, охватывающая историю Ирана от мифических времен до крушения Сасанидской империи. Законченная по форме, при всей выдержанности размера, она не утомляет на всем протяжении ста с лишним тысяч стихов, и сейчас, через тысячу почти лет после ее создания, эта героическая поэма, вся пронизанная чертами облика ее творца, продолжает жить в среде персидского народа и привлекать к себе интерес и внимание всего мира.

Празднование тысячелетия Фердовси носит международный характер, и в ряду стран, которые отдадут дань обессмертившему себя поэту, одно из первых мест должно и будет принадлежать Советскому Союзу.

Не только потому нам близок этот юбилей, что его празднует дружественная нам страна. Тысячелетие Фердовси находит отклик у нас и потому, что его творение

бесконечно увлекательно по содержанию и безупречно прекрасно по форме: стих Фердовси неизменно звучен, героический эпос в „Шах-намэ“ сменяется самыми глубокими лирическими темами, лирика эта свободна от налета искусственности, проста, понятна и всегда выразительна.

Для многих из народов, слившихся в великий Союз Советских Социалистических Республик, „Шах-намэ“ — культурное наследие, к овладению которым обязывает их далекое прошлое, на протяжении тысячелетий неразрывно связанное с прошлым персидского народа, сыном которого был Фердовси. Разве по сей день не звучат среди курдов, осетин, армян, грузин, таджиков сохраненные от далеких времен рапсодии, вылившиеся в четкие, звучные, мелодические стихи Фердовси? Ведь, творя свой эпос, Фердовси влил в эту сокровищницу все богатство исторических преданий и древних сказаний среды Ирана, в которой он жил и вырос, а эта среда была много шире, чем границы родной для него области Хорасан и даже всего Ирана. Фердовси был сыном своего класса, класса феодалов, интересы и представления которых совпадали, на каком бы языке они ни были выражены, по-пехлевийски или по-армянски, по-согдийски или по-албански.

Рапсодии, которые сплел в своей поэме Фердовси, сложились в ту форму, в которой он их воспринял, и жили в среде феодалов. Те же предания, отражавшие представления о мироздании, звучали бы в его стихах иначе, если бы он их почерпнул не из „Книги властителей“, „Хвадай-намак“, собранной в единый свод для сасанидских царей, а из сказаний, которые звучали на устах тех, кто в песне искал облегчения тяжелого земледельческого труда, кто ритм белых стихов отсчитывал ударами молота по наковальне и дробью чекана по металлическому листу, кто, чередуя мелодии и ритм своих песен, собирал и направлял тысячные стада своего господина.

В те дни, когда жил Фердовси, песни и сказания низов звучали громче, чем во дни сложения „Хвадай-намак“; го-

род, растущий и крепнувший, деревня, вздохнувшая после разгрома могущественных феодалов, вырвавшего одно из самых тяжелых звеньев висевшей на ней цепи, влились хотя бы отдельными нотами в музыку стихов Фердовси, в поэме которого нашлось не лишенное почета место и для городского водоноса и для сельского мельника. И даже для Маздака, вождя того движения, которое принесло облегчение и земледельцу и ремесленнику и которое испытало на себе всю силу ненависти феодальной знати, у Фердовси, яркими штрихами нарисовавшего картину беспощадного разгрома уничтожения маздакитов, нашлись проникнутые участием слова: Маздак в его поэму вошел как ученый, беспристрастный, красноречивый и справедливый человек, ищущий общего блага.

А если и в наши дни звучат в народе в доме захудалого курдского бека, как в землянке армянского крестьянина, сказания о героях, воспетых Фердовси, то сохранение этих сказаний в слоях, чуждых среде, сложившей рассказы об этих богатырях, так же понятно, как понятно перерождение значения многих слов и оборотов речи, унаследованных в процессе развала феодализма.

Наиболее устойчивыми, живучими и излюбленными оказались те рапсодии, которые нашли отражение в героической, мифической части „Шах-намэ“. А герои более близкой по времени к Фердовси исторической части — сасанидские цари царей — забыты и всплывают, потеряв свое имя, лишь в отдельных рассказах, и лишь в той мере, в какой они слились в народной памяти, как в стихах Фердовси, с древнейшими мифическими образами. В своих чертах они, как в выпуклом зеркале, отражают уменьшенные, очеловеченные мощные очертания титанических существ.

В представлении самого Фердовси его поэма не делилась на мифическую и историческую часть. Фердовси писал историю, как писали в его дни, как писали в последующие времена, — не различая легенды и исторического факта, мифа и реальной действительности.

Фердовси начинает свою историю с изумительного по силе и яркости образов повествования о древнейших властителях Ирана и окружавших их престол богатырях, живших и действовавших в странах, найти которые на исторической карте много труднее, чем различить в самих никогда не живших царях и героях силы природы, воплощенные в человеческих образах, чем распознать в их изменчивой судьбе, победах и поражениях, представления человека о мироздании и о борьбе его предков с силами природы.

Та призма, через которую воспринимал Фердовси (как воспринимали его предшественники, еще при Сасанидах записавшие эти сказания) космогонические, мифические образы, наложила свой отпечаток на всю поэму от первого до последнего стиха. Эта призма — идеология феодального общества, и все герои поэмы, — носители этой идеологии. Но как в самом феодальном обществе пережиточно сохранились элементы и формы пройденных стадий развития, так и в этих рыцарях, носят ли они имя Рустема или Сиавуша, сохранились черты родовых вождей, будь то вопрос распорядка дома или случай отступления от позднее сложившегося, неписанного, но тем более обязательного кодекса рыцарской чести.

Замечательно то, что от повествования об этих мифических героях, история которых составляет большую часть поэмы, Фердовси не переходит к рассказу о том, вполне историческом периоде жизни Ирана, памятниками которого в его дни Персия была много богаче, чем сейчас, и который дал бы ему так много героических тем. Могучая империя Ахеменидов выпала из рассказа Фердовси. А когда он переходит от мифов к историческому лицу, то Александр Македонский выступает, как мифический герой, в чертах, ясно показывающих, как широко были распространены представления, отразившиеся в Александриаде, и как близко был знаком Востоку роман псевдо-Каллисфена.

Выпали из рассказа Фердовси и те века, когда политическая гегемония в Иране принадлежала парфянам и когда ожесточенная борьба парфянских Аршакидов с Римом, казалось бы, могла дать много поэту, писавшему о славе и подвигах властителей Ирана. Аршакиды, под совершенно искаженным родовым именем, выступают у Фердовси в лице последнего из аршакидских царей, чтобы пасть под ударами восставшего феодала, Арташира Папакана, положившего начало сасанидской династии. Уже в одном том, что в своей поэме Фердовси не отвел места Аршакидам, ясно сказывается, что он строил историю Ирана так, как она, несомненно, давалась в „Хвадай-намак“. Разве могли составители этой „Книги властителей“, состоя при дворе сасанидских царей, в своем своде сказаний о судьбах Ирана коснуться низвергнутой династии иначе, как рисуя торжество Арташира Папакана? Не даром Арташир увековечил себя колоссальным рельефом, на котором он и вручающий ему символ власти бог Ормазд кажутся равными друг другу и попирают копытами своих коней, один — повергнутого Аримана, другой — последнего парфянского Аршакида, Артавана.

С Арташира Папакана начинается тот раздел „Книги царей“, который можно назвать историческим, поскольку главные герои — исторические лица, поскольку многие из описываемых, хотя бы искаженно и путанно, событий действительно имели место, поскольку характер действующих лиц, их устремления и весь их облик соответствуют характеру эпохи, поскольку здесь нашли себе правильное отражение черты феодального общества, вся его идеология. Но и здесь, в рассказе об исторических „шаханшахах Ирана и не-Ирана“, Фердовси вплетает в их облик и в рассказ об их жизни много черт, унаследованных от далеких времен, когда не было еще Сасанидов, да и тех общественных отношений, которые нашли себе выражение в государственном строе сасанидского Ирана.

В своем повествовании о Сасанидах, деяния которых должны были отразиться наиболее полно в „Хвадай-намак“,

Фердовси нигде не теряет своего лица как поэт. Станным кажется, что вереницей бледных теней проходят в его поэме те из Сасанидов, которые своей боевой славой казалось бы должны были привлечь внимание эпического поэта.

Излагая свою историю Ирана, Фердовси выбрал лишь тех властителей, облик которых, реальный или осложненный наслоившимися легендами, открывал перед ним возможность яркими красками нарисовать образ наиболее популярного и близких его идеалам героев.

Когда в поэме вырастает в колоссальную фигуру Бахрам Гур, то это — не исторический царь Варахран V, почти не оставивший следа в реальной истории, а полусказочное существо, охотник с чертами космического охотника, индо-иранского Веретрагны, герой, личная отвага которого не знает пределов, любовь которого к чувственным наслаждениям не знает меры. Бахрам Гур у Фердовси, как и в народном предании, воспринимает черты небесного Веретрагны, имя которого он носит, и чем любовнее его воспевают поэт, тем богаче элементами романа его бурная личная жизнь.

Хосров Ануширван иным привлек к себе симпатию поэта. Ведь это тот из властителей Ирана, который наибольшее внимание уделял искусствам и наукам, тот, при дворе которого находили приют наряду с певцами и музыкантами бежавшие от преследований византийской власти эдесские и афинские философы, тот, при дворе которого выполнялись переводы на пехлевийский язык и лучших памятников индийской литературы и творений Аристотеля, Платона, Гиппократов.

Фердовси прекрасно сознавал, для чего было нужно это сосредоточение искусств и наук вокруг престола Ануширвана. Это было осознано и задолго до Фердовси.

Ведь уже в пехлевийском тексте VII в. о шахматах индийский раджа Девсарм пишет своему сюзерену Хосрову: „Как подобает Вам шаханшахский титул и как являетесь

Вы над всеми нами шаханшахом, так подобает и ученым вашим наших учение быть“.

Ведь в том же тексте придворный мудрец Вазургмихр заверяет Хосрова: „Пребывайте в уверенности, что Вы достойны шаханшахства и что ваши ученые таковых Девсарма учение“.

И вот вокруг Хосрова Фердовси рисует ряд образов ученых и артистов, раскрывает всю глубину их мудрости, всю высоту их искусства, повествует о том, как из Индии перешла в Иран знаменитая, и в наши дни не утратившая жизненности, книга басен „Калила и Димна“, как из Индии была привезена игра, сложившаяся в феодальной среде, но оказавшаяся долговечнее двух общественных формаций, игра, которою индийские мудрецы не смогли поставить в тупик мудрецов Хосрова, так как Бузургмихр легко раскрыл смысл шатранга (шахмат), но сами были посрамлены изобретенной Бузургмихром игрою „нард“.

Но шатранг для Фердовси не только средство к тому, чтобы „оружие разума было осознано как главное“. Эта мысль пехлевийского текста у Фердовси заслонена изумительным по красоте и глубине чувства рассказом о той злосчастной вражде между двумя юными братьями-царевичами, которая вызвала к жизни шатранг, как способ доказать безутешной матери, что ее младший сын погиб не от руки брата и не от руки его воинов. По драматической силе рассказа в ряд с боем между этими царевичами, Гавом и Талхандом, может быть поставлен лишь бой Рустема с его сыном Сохрабом.

Тысячи стихов посвятил Фердовси повествованию о шатранге, о Калиле и Димне, о мудрости Бузургмихра и все же не заслонил ими облика Хосрова Ануширвана, с именем которого предание, живое и в наши дни, связало представление о воплощенной мудрости и ясности мысли, вплетя сказочный элемент в воспоминания о подлинно тонком и действительно выдающемся политическом деятеле.

Хосров Парвиз, владевший семью чудесами мира (в ряду которых находят место и знаменитые часы с необычайно сложным механизмом, и конь Шабдиз, и возлюбленная Ширин), близкий к делу создания „Хвадайнамак“, привлек к себе внимание Фердовси и трагической историей любви его к Ширин и долголетней борьбой с родным сыном Кавадом, борьбой, еще раз открывшей Фердовси возможность в полных драматизма стихах коснуться всегда его волновавшей темы.

С наступлением арабов на Иран, с гибелью последнего из сасанидских царей заканчивается поэма.

„Книге царей“ некого больше воспевать.

Пронеслась над Ираном гроза арабского завоевания. Но, подчинив себе Иран, сами завоеватели, смешавшись и слившись с теми, кто держал в своих руках отдельные области покоренной страны, восприняли и усвоили их высокую культуру.

Все то, чем славен был двор Ануширвана, все богатство пехлевийской литературы влилось широкой волной в арабскую письменность и, слившись с нею в единый поток, создало длинный ряд переводных и оригинальных творений, в которых не отделить арабских элементов от персидских.

Этим путем, через повторный перевод с пехлеви, проникли в арабскую литературу, чтобы спустя века сделаться доступными для европейского средневековья, творения величайших мыслителей античности.

Но пехлевийская письменность постепенно замирает.

В соответствии со сменой тех, кто держит в руках страну, кто унаследовал права сметенных старых феодальных родов, вырабатывается и новый литературный язык, на основе другого наречия, в условиях иных общественных отношений. Замкнутая обстановка развития пехлевийской письменности, с ее кастовой обусловленностью, разбита ростом города, наступлением выходящего постепенно из зависимости городского сословия. Письмо становится до-

стоянием более широких кругов. Вырабатывается персидский литературный язык.

„Хвадай-намак“ все менее доступен и для тех, чьи интересы ничем не отличались от интересов вдохновителей создания „Хвадай-намак“.

А между тем, на развалинах сасанидской империи слагаются новые государственные образования, и властителям нынешней Бухары, Саманидам, так же нужно окружение возвышающих престол своим предстоанием ученых, поэтов и художников, как оно было нужно Хосрову Ануширвану. „Хвадай-намак“, дополненный невошедшими в свод сказаниями о позднейших временах, переводится на персидский язык, но прозаический перевод не может удовлетворять запросы, прозаическая форма мешает широкому усвоению истории прошлого Ирана, истории его властителей, преемником славы и величия которых считает себя каждый новый династ. Дается прямой заказ на поэтическое оформление персидской „Книги царей“. Юный поэт Дакики, едва начав этот труд, становится жертвой случайной насильственной смерти.

Подвиг создания поэмы принимает на себя Фердовси, один из тех мелких земледельцев, которые не отделяли своих интересов от стремлений возвышающихся новых феодальных домов, которые в мысленном созерцании величия древнего Ирана искали забвения от изменяющихся не в их пользу условий.

Особенно сильны были старые феодальные формы на окраинах страны, в менее затронутых процессом роста городов областях Ирана, где и в X в. еще сохранялись условия пройденного этапа.

И в те самые годы, когда на западной окраине бывшей сасанидской империи, в Васпуракане, на Ванском озере, создается изумительный архитектурный памятник, Ахтамар, по всем формам своей скульптурной декорировки не отделимый от традиций сасанидского искусства, — в Хорасане великий Фердовси чеканит свои стихи, в каждом слове

которых видно его устремление к сохранению идеологии сасанидского Ирана, даже в той области, где его стесняли рамки ислама.

Пусть в „Шах-намэ“ много анахронизмов, пусть черты эпохи Фердовси проникли в картину прошлого Ирана, где им нет места, — общий характер до-арабского феодального Ирана им отражен в полной мере.

К подножию престола Саманидов должна была быть принесена поэма, воспевающая древних героев Ирана, долженствовавшая служить и в назидание потомкам. Но к тому времени, когда к концу подходил великий труд Фердовси, само саманидское государство рухнуло.

А между тем с каждым днем росло могущество составшего гулама, одного из вождей тех турецких наемных отрядов, которые составляли главную силу саманидского войска.

Уж не одну сотню лет без этих, сначала вспомогательных, а потом основных отрядов, не могли обойтись феодальные владельцы, уделы которых не в силах были выставлять достаточный контингент войск. И те, кто прежде своими набегами тревожил окраины сасанидской империи, кто затем стал грозой новых феодальных владений восточного Ирана, — турецкие средне-азиатские кочевники явились слугами иранских феодалов, чтобы затем сокрушить их могущество.

Многовековая борьба Ирана с этими кочевниками отразилась в поэме Фердовси в виде неизбежной борьбы Ирана с Тураном, т. е. с тем, что при Сасанидах называлось „ан-Иран“, когда Сасаниды титуловали себя „царями Ирана и не-Ирана“.

Трудная задача встала перед Фердовси, когда ему пришлось подносить свою поэму не саманидскому владельцу, а выходцу из „Турана“, создателю могущественнейшего государства своего времени, Махмуду Газневи, обогатившему свой двор и свои войска неисчерпаемой добычей, захваченной в без малого двух десятках опустоши-